

Мин Чэнь вышел вперёд:

— Ваше Величество, сейчас самое главное — это простые люди в Чжэчжоу. Чжэчжоу наполовину состоит из лекарственных полей, наполовину — из сельскохозяйственных. Как могла обычная засуха дойти до того, чтобы люди остались без крыши над головой? В худшем случае, неужели амбары Чжэчжоу превратились просто в украшение?

Гоу Вэй тоже вышел вперёд:

— В Чжэчжоу повсюду горы и реки, как же народ дошёл до бегства? Засуха не за один день случается, почему же раньше до нас не дошло ни единого слуха? Прошу Ваше Величество принять решение как можно скорее.

Взгляд Чу Ланя бегло скользнул по лицам людей внизу:

— Раз уж так, пусть кто-нибудь отправится в Чжэчжоу для оказания помощи пострадавшим. Есть ли среди присутствующих чиновников подходящие кандидатуры?

Фань Вэньфан с улыбкой вышел из строя:

— За сильной засухой часто следуют эпидемии. Государственный наставник обладает выдающимися медицинскими навыками, и по мнению вашего слуги, именно он лучше всего подходит для этой поездки.

— Канцлер заблуждается, — произнёс Чу Цзюсюй. — На данный момент в Чжэчжоу нет никаких известий об эпидемии. То, что говорит канцлер, не лишено смысла, так что пусть с ними отправятся люди из Императорской врачебной коллегии. Хотя медицинские навыки государственного наставника высоки, они в основном связаны с искусством гу и ядов, и в деле эпидемий он вряд ли превзойдет старых лекарей из врачебной коллегии. К тому же, государственный наставник пальцев о палец не ударит ради пяти злаков не различает, он чист и возвышен, словно небожитель — откуда ему знать, как помогать пострадавшим от бедствий?

Небожитель!

Цзин У окинул Чу Цзюсюя бесстрастным, тёмным, как смоль, взглядом.

Мин Чэнь и вовсе не смог сдержать улыбку, изо всех сил стараясь подавить поднимающиеся уголки губ.

Не Минчжи тоже едва сдерживал смех.

Некоторые чиновники даже слегка подрагивали плечами от беззвучного веселья.

Фань Вэньфан, полностью оправдывая звание старого лиса, прожившего на несколько десятков лет больше других, сохранил невозмутимое выражение лица:

— Что имеет в виду регент?

— Разумеется, то, что ехать должен этот ван, — ответил Чу Цзюсюй. — По сравнению с государственным наставником, этот ван вырос на обычной человеческой пище, а потому, естественно, лучше понимает нужды простого народа.

— Ошибаетесь, регент — особа драгоценной плоти, как можно отправляться в столь опасное место, — возразил помощник министра финансов, господин Лу.

Чу Цзюсюй устремил на него взгляд:

— Это всего лишь помощь пострадавшим от бедствия, с чего бы ей становиться опасным местом? Или у господина Лу есть какие-то секретные сведения, о которых этот ван ничего не знает?

Господин Лутёр поткнул холодный пот со лба:

— Никаких.

Чу Цзюсюй холодно произнёс:

— Раз нет, откуда же господину Лу знать, что нынешняя помощь бедствующим связана с опасностями?

— Я... этот подчиненный... — господин Лу долго мялся, но так и не смог выдать ничего чнятного.

— К тому же, жизнь этого вана драгоценна, а жизни остальных господ — не жизни? Жизни бесчисленных простых людей — не жизни? Будучи регентом, этот ван тем более обязан разделять заботы Вашего Величества и простого народа, — праведно заявил Чу Цзюсюй.

Фань Вэньфан заколебался между Чу Цзюсюем и Цзин У, после чего произнёс:

— Государственный наставник не смыслит в методах ликвидации последствий бедствий, зато господин Гоу отлично в этом разбирается. Государственный наставник умён, стоит ему лишь намекнуть, как он всё поймет, а если рядом будет наставлять господин Гоу, то с бедствием удастся справиться играючи. Буддисты исполнены милосердия, разве государственный наставник, обладая столь искусной медициной, не желает разделить заботы простого народа и спасти людей из огня и воды?

Ах ты пёсья морда, Фань Вэньфан!

Мысленно выругался Чу Цзюсюй!

Цзин У вышел вперёд:

— Нищий монах готов отправиться в Чжэчжоу для помощи пострадавшим.

На этом утреннее заседание, прошедшее в словесных баталиях между регентом и канцлером, с громкой победой Фань Вэньфана и решением о поездке Цзин У и Гоу Вэя в Чжэчжоу для спасения бедствующих, подошло к концу.

Вернувшись в особняк главного канцлера и увидев сына, который дразнил птицу в клетке, Фань Вэньфан больше не смог сохранять невозмутимое выражение лица. Он подошёл и отвесил Фань Цзо увесистый пинок:

— Ты, глупая ты скотина!

Фань Вэньфан был крепок для своих лет, и от его удара Фань Цзо плашмя рухнул на землю:

— Отец, за что это ты?

— Я прибью тебя до смерти! — Фань Вэньфан схватил валявшуюся рядом палку и бросился за Фань Цзо.

Фань Цзо улепётывал во всю прыть и молил о пощаде:

— Отец, я виноват, отец!

Фань Фань стоял в стороне и даже не пытался их разнять, скорее напоминая зрителя, наблюдающего за представлением с обезьянками.

Дело в Чжэчжоу не терпело отлагательств. Гоу Вэй собрал вещи и вместе с деньгами и зерном отправился в путь; вместе с ними ехал и сославшийся на болезнь Чу Цзюсюй.

Ситуация с бедствием в Чжэчжоу оказалась тяжёлой до предела. Земля растрескалась глубокими, в ширину палца, трещинами, а в ветхих деревянных хижинах лежали тощие до костей люди — если бы не едва заметное вздымание груди, они выглядели бы точь-в-точь как высушенные мертвецы.

Чу Цзюсюй и Гоу Вэй разделились на два пути. Он прибыл в Чжэчжоу заранее, а сопровождал его мужчина в бамбуковой шляпе. Сам Чу Цзюсюй тоже изображал тяжелобольного, а потому для виду надел маску.

Чу Цзюсюй и мужчина в шляпе вошли в город. Из-за палящей жары на широких улицах не было ни души, большинство лавок давно закрылись наглухо, и раз в городе царило такое запустение, то простому люду за его пределами приходилось и вовсе невыносимо. Отыскав ещё работающий постоялый двор, они разместились там. Поломойный слуга от скуки лежал на столе, не желая даже шевелиться. Чу Цзюсюй опустил на стул и поманил его пальцем.

Слуга торопливо подбежал:

— Уважаемый гость, есть дело?

Чу Цзюсюй положил на стол сияющий слиток серебра, и у слуги мгновенно загорелись глаза:

— Спрашивайте о чём угодно, всё расскажу!

— Когда в Чжэчжоу началась засуха? — спросил Чу Цзюсюй.

Слуга задумался и ответил:

— Засуха началась три месяца назад, два месяца назад речное дно уже пересохло, а месяц назад люди начали голодать.

— Даже при засухе в горах остаётся съестное, почему же народ стал переселяться, вместо того чтобы отправиться в горы в поисках пропитания? — вновь задал вопрос Чу Цзюсюй.

Слуга сухой усмехнулся:

— Всё, что можно было съесть в тех горах, уже съели. Чтобы отыскать хоть какую-то пищу, пришлось бы углубляться в самую чащу дикого леса, но люди и так обезумели от голода, не говоря уж о зверях — кто же осмелится соваться в горы без особых навыков?

Рука Чу Цзюсюя замерла. Этот малый явно говорил не от чистого сердца!

— А чиновники выдавали зерно?

— Выдали пару раз, а потом зерно кончилось, — осторожно высказался слуга.

Чу Цзюсюй швырнул серебро слуге и, захватив спутника, вышел наружу:

— Ван, куда мы теперь?

Окинув его взглядом с ног до головы, Чу Цзюсюй произнёс:

— Ты всё ещё недостаточно похож на этого монаха Цзин У.

Мужчина ответил:

— Ваш подчиненный считает, что сходство с государственным наставником достигло девяти из десяти частей. Интересно, в чём именно ван усматривает разницу?

— Недостаточно небесной благодати, — выпалил Чу Цзюсюй. — Государственный наставник с первого взгляда производит впечатление небожителя, который питается утренней росой и цветопелепками, словно чуждый смертной пыли. А ты — нет.

Мужчина: «.....»

Потому что его подчинённый — самый настоящий мужчина, из него никак не сотворишь небожителя!

Храм Защиты Государства невероятно богат.

Чу Цзюсюй шагнул внутрь закуской. Широко распахнутые двери не привлекали ни единого посетителя, но стоило старому хозяйшке увидеть Чу Цзюсюя, как его глаза засияли:

— Чего изволит гость?

— Что у тебя есть? — спросил Чу Цзюсюй.

Старик на мгновение подозрительно замялся:

— Лепёшки из грубой муки да паровые булочки из смеси злаков.

Глаза Чу Цзюсюя слегка сузились:

— Всего понемногу.

Старик вынес три лепёшки и две булочки:

— Один лян серебра.

— Так дорого? — недоверчиво произнёс мужчина.

Старый хозяин недовольно затащил:

— С чего это дорого? Если бы не мои кое-какие связи, вы бы даже за деньги зерна не сыскали.

Чу Цзюсюй положил серебро на стол, забрал еду и вышел. Оказавшись в безлюдном переулке, он произнёс:

— Цин Юй, тебе не следовало раскрывать рот. Один лян серебра для государственного наставника — всё равно что одно рисовое зёрнышко от обычной трапезы, станет ли он вообще обращать на это внимание.

Монахи в Храме Защиты Государства обладали великолепными медицинскими навыками, и поток желающих исцелиться не иссякал, так что серебро текло рекой, превосходя по богатству пустующую государственную казну в разы. Почти всё зерно и деньги для нынешней помощи пострадавшим были добыты именно усилиями Храма Защиты Государства.

— Ваш подчиненный виноват, — с некоторым угрызением совести произнёс Цин Юй. — До появления государственного наставника этот подчиненный постарается вообще не раскрывать

рта.

— Ты ведь от природы не из тех, кто молчалив. Требовать от тебя притворства в образе Цзин У, способного полгода хранить обет молчания — это поистине издевательство над тобой, — утешил его Чу Цзюсюй.

Полгода не произносить ни слова!

Выражение лица Цин Юя под капюшоном было таким, будто он средь бела дня столкнулся с призраком.

Чу Цзюсюй провёл Цин Юя через лабиринт грязных переулков. Место здесь оказалось сравнительно прохладным, и немало нищих сбилось в кучи; впрочем, разобрать, кто из них бродяга, а кто — бывший деревенский житель, уже не представлялось возможным.

Крупноглазый мальчонка прижимал к себе ребёнка помладше — девочку — и сидел в самом углу, глядя на всё вокруг настороженным взглядом. Для контраста рядом валялся мёртвым сном другой малыш, и отличить настоящего нищего можно было с первого же взгляда.

Чу Цзюсюй поманил мальчика пальцем, тот поколебался, но всё же подвёл девочку ближе.

Заведя их за пару поворотов в безлюдное место, Чу Цзюсюй положил две злаковые булочки в грязную ладонь парнишки:

— Ответь на пару вопросов.

Мальчик сглотнул слюну:

— Спрашивайте.

Бродяжки слонялись повсюду, и новости у них были самыми оперативными; расспрашивать их о чём-то оказывалось куда проще, чем чиновников.

— Есть ли что-то особенное в лесах Чжэчжоу? — спросил Чу Цзюсюй.

Мальчик разломил одну булочку и отдал девочке:

— Из-за засухи в лесу погибло много деревьев, а там, где есть хоть что-то живое, появились разбойники, соваться туда нельзя.

Глаза Чу Цзюсюя слегка сузились:

— Разве гарнизон города не отправлялся на борьбу с бандитами?

Мальчишка оценил выражение лица Чу Цзюсюя и после минутного молчания произнёс:

— Не знаю. Разбойники появились не сразу, а уже после начала засухи, да и деревенские жители уходят искать пропитание в другие места.

Смышлёный!

Чу Цзюсюй посмотрел на мальчишку: у этого сорванца оказалось немало уловок в голове:

— А здешние зернохранилища открывали?

— Открывали дважды, но перед засухой всю землю засадили лекарственными травами, так что здесь зерна не купишь даже за деньги, — ответил мальчик.

Сердце Чу Цзюсюя опустилось ещё ниже:

— Землю целиком засеяли зерном, а не наполовину?

— Я таскаюсь по миру с сестрой, выпрашивая подаяние, но ещё больше года назад землю перестали засеивать зерном, сплошь одни лечебные травы, — проговорил мальчик, проглатывая кусок лепешки.

Чу Цзюсюй протянул свёрток в промасленной бумаге:

— Я всё спросил.

— Подождите-ка, — мальчишка вихрем сорвался с места и мгновенно приволок еще четверых детей. Схватив свёрток из рук Чу Цзюсюя, они развернули его и принялись жадно запихивать куски себе в рот.

Затем мальчик увлёк толпу детей за угол в другом направлении, явно не собираясь возвращаться на прежнее место.

Чу Цзюсюй проводил взглядом их удаляющиеся спины:

— Нынешние дети все такие умные?

Цин Юй издал удивлённое «а»:

— Наверное... Ван, неужели вы что-то поняли?

Чу Цзюсюй посмотрел на него какое-то время и покачал головой:

— Вы же с Цин Янем всё-таки родные братья, почему же в тебе нет ни капли его сообразительности?

Цин Юй обиженно протянул:

— Наверное, пока я был в утробе матери, все мозги достались ему одному, вот я и выгляжу таким... ну, чуточку заторможенным.

Он всё-таки сдержался и не стал добавлять к себе слова «глупый».

Всё погрузилось в тишину. Луна ярко сияла на чёрном небосводе, а на земле две тени усердно копали землю. Одним из них был с суровым лицом И Вэнь, а другим — ряженный Цзин У, то есть Цин Юй. Цин Юй обладал красивой внешностью и хотя бы отдалённо напоминал государственного наставника, а что до телосложения — наставник обычно носил широкие монашеские одежды, так что найти человека похожего роста не составляло труда.

Лопата издала глухой стук. Цин Юй торопливо разгреб землю, обнажая темневший внизу гроб:

— Докопались.

Чу Цзюсюй и евнух Ван подошли ближе. И Вэнь вместе с Цин Юем сорвали крышку гроба, и оттуда ударил густой смрад. Чу Цзюсюй поспешно прикрыл нос и рот рукавом, пытаясь отгородиться от невыносимого зловония.

В гробу лежало разлагающееся тело. Без лишних расспросов было ясно, каковы причины смерти: в грудь был вонзён кинжал, обе руки покоились на рукояти — чистый, решительный удар, оборвавший жизнь с первого раза.

Цин Юй полоснул ножом по одежде, обнажая под ней разложившуюся плоть. Чу Цзюсюй перехватил кинжал и потыкал в кожу вокруг раны, после чего махнул И Вэню рукой, приказывая закрыть гроб.

Лишь когда гроб засыпали землёй доверху, Цин Юй позволил себе перевести дыхание:

— Разве этот Вэй Юань умер не восемь дней назад? С чего бы ему выглядеть так, будто его закоронили дней пять-шесть назад?

И Вэнь ответил:

— Уже шесть дней прошло.

Отойдя с тремя спутниками подальше от могильных холмов, Чу Цзюсюй спросил:

— Семью Вэй Юаня нашли?

И Вэнь нахмурился:

— Нет, ни единого человека.

Цин Юй поинтересовался:

— Ван, этот Вэй Юань сам наложил на себя руки или его убили?

— Кто-то другой. Неужели ты думаешь, что люди Фань Вэньфана стали бы преданно умирать за него по собственной воле? — Чу Цзюсюй приложил кинжал к собственной груди, примеряясь к углу раны. — Угол и положение раны на теле Вэй Юаня слегка искажены, соверши он самоубийство, кинжал вошёл бы иначе.

Чу Цзюсюй взял руку Цин Юя и чуть сдвинул кинжал вверх. Цин Юю сделалось не по себе — у него возникло стойкое ощущение, что его прямо сейчас собираются прирезать.

Чу Цзюсюй отпустил руку Цин Юя:

— Какой бы твёрдой ни была решимость покончить с собой, в самый момент удара человек неизбежно поколеблется. Удар же Вэй Юаня был нанесён чётко и без колебаний, сразу насмерть.

Цин Юй нахмурился:

— Ван, кто же убил Вэй Юаня?

— Когда этот ван достигнет Дао и станет бессмертным, тогда и задашь мне этот глупый вопрос, — Чу Цзюсюй покачал головой и зашагал прочь.

Евнух Ван, проходя мимо Цин Юя, тяжело вздохнул:

— Старый раб купит тебе немного грецких орехов, подлечишь мозги.

Цин Юй посмотрел им вслед:

— Это что ещё значит? Меня что, тупицей называли?

И Вэнь покачал головой:

— Способность к самопознанию — одно из немногих твоих достоинств.

Цин Юй с досадой сжал зубы, решив по возвращении потребовать у старшего брата отвара — такого, чтобы от одной чашки вмиг поумнеть!

В особняке главного канцлера в Шанцзине Фань Вэньфан сидел за столом, хмуря брови:

— Чу Цзюсюй покинул Шанцзин?

Фань Фань ответил:

— Да, дедушка. Чу Лин уже вернулась во дворец, и, судя по времени, к этой часи она уже должна быть в Чжэчжоу.

Фань Вэньфан вздохнул:

— Послушай, пусть я и не гениален, но хитрости мне не занимать. Как же у меня мог уродиться такой идиот, как Фань Цзо?

Фань Фань хранил молчание.

— Мы изо всех сил пытались замять дело в Чжэчжоу, но твой отец повёл себя так, словно испугался, что кто-то останется в неведении, и прикончил этого старика Вэй Юаня. И как только меня угораздило родить такого болвана! — Фань Вэньфан выглядел крайне разочарованным.

Фань Фань осторожно поинтересовался:

— Дедушка, нам продолжать или нет?

— Действуем! — лицо Фань Вэньфана ожесточилось. — Из-за этого глупца-отца нам теперь придётся доводить дело до конца, даже если не хочется. — Он издал тяжёлый вздох. — Будем надеяться, что мы не станем работать на чужое благо.

В Дворце Милосердия и Спокойствия великая вдовствующая императрица полулежала на мягкой тахте, а стоявшая рядом служанка обмахивала её веером. Чу Юань сидела подле них, ловко массируя ей ноги.

Великая вдовствующая императрица приоткрыла глаза и посмотрела на стоявшую напротив Чу Лин:

— Ты затаила обиду на меня, верно?

Лицо Чу Лин слегка окаменело, но она выдавила улыбку:

— С какой стати внучке держать обиду на бабушку?

Великая вдовствующая императрица оставила её слова без ответа:

— Похоже, пребывание у регента так ничему тебя и не научило.

Лицо Чу Лин слегка побледнело — жизнь у регента и вправду была самым тяжёлым испытанием за все её дни.

— Я не могу тебя переучить, твой нрав уже не исправить, с таким характером ты рано или поздно обожжёшься, — с родительской заботой увещевала великая вдовствующая императрица. — Ты должна понимать, что делать можно, а чего нельзя. Ошибёшься в одном — и потянется цепь ошибок, а оступившись единожды, назад уже не повернуть.

Чу Лин присела в полупоклоне:

— Внучка понимает.

У великой вдовствующей императрицы на душе стало тяжело: все эти мелкие уловки Чу Лин выглядели перед ней детским лепетом. Соглашалась она охотно, но на деле влетело в одно ухо и вылетело в другое. Махнув рукой, великая вдовствующая императрица произнесла:

— Ступай пока.

Чу Лин присела в поклоне, бросила взгляд на Чу Юань и удалилась.

Великая вдовствующая императрица устало закрыла глаза:

— Ну почему её невозможно вразумить? Впереди её ждет немало бед.

Чу Юань не прерывала массажа:

— Добрыми словами мертвеца не оживишь, ни вы, ни дядя не можете прожить за нее её жизнь.

— Это я плохо её воспитала.

— Бабушка, не говорите так. Кто из вас с дядей не пытался вложить в неё разум, не наставлял? Просто Чу Лин упёрта до мозга костей, — заметила Чу Юань. — Что ж, её натура такова, как ни говори — не изменится. Я ведь тоже в своё время стукнулась лбом о глухую стену, а стоило повернуть назад — и всё наладилось.

Страшно лишь то, когда повернуть назад уже невозможно. Этого великая вдовствующая императрица вслух не произнесла.

Земля зияла глубокими трещинами, вокруг стояла палящая жара, не было ни капли воды, а горные ручейки высохли настолько, что не осталось даже мёртвых рыбёшек. Редкие раскидистые деревья иссохли до неузнаваемости, их кору ободрали начисто, не оставляя и намёка на зелёный побег.

Чем дальше они углублялись в чащу, тем гуще становились деревья, изредка попадалась даже чахлая трава. Ещё немного пройдя вперёд, они заметили, что кроны деревьев скрывают палящее солнце.

Цин Юй во все глаза уставился на тощую кроличью тушку впереди. В другое время на такого зайца он бы и не взглянул, но сейчас он жаждал мяса так сильно, что съел бы не то что худого зайца, а даже новорождённого крольчонка.

Он уже собрался броситься за добычей, как И Вэнь схватил его за ворот и приложил палец к губам, призывая прислушаться.

Цин Юй прислушался и уловил едва слышные шаги. Все четверо в мгновение ока взмыли на кроны деревьев и затаились.

Пятеро или шестеро людей с мечами и копьями проследовали мимо. Шедший во главе мужчина радостно воскликнул:

— Заяц!

Заметив движение, заяц бросился бежать, но пущенная стрела пригвоздила его к земле.

Мужчина поднял добычу:

— Пошли, сегодня нам посчастливится отвезти мяса.

Чу Цзюсюй и остальные бесшумно последовали за этой четвёркой в горную пещеру. Пещера оказалась просторной, но неглубокой; крошечный родник размером с большой палец едва сочился живительной влагой. Внутри сидело тридцать-сорок мужчин, причём некоторые из них были вооружены мечами и носили простенькие доспехи.

Цин Юй округлил глаза:

— Городской гарнизон!

Все четверо неслышно покинули это место. Цин Юй сжал зубы:

— Городской гарнизон — это и есть те самые разбойники, о которых говорил мальчишка! Как они могли... дойти до такого бесстыдства!

Чу Цзюсюй покачал головой:

— Чего только не сделаешь перед лицом жизни и смерти? Будь ты хоть наполовину так же умён, как тот паренёк, мне не пришлось бы переживать, что твои будущие дети пойдут в отца.

Цин Юй: «.....»

Ван, как вы можете вонзать нож в сердце подчиненного? Так ведь и без подчиненных остаться можно!

Угрожая переворотом.

Чу Цзюсюй покачал головой:

— Когда мы входили в город, у ворот не было стражников, да и ты сам слышал слова мальчишки: бандиты объявились лишь после засухи. Чжэчжоу — самое засушливое место, с какой стати разбойникам нестись сюда ради грабежа? Тем более не стали бы грабить местные жители: в деревнях все друг другу родня да сородичи, нет никакого смысла выгонять своих. Объединившись, сельчане представляют немалую силу, с которой рядовые бандиты вряд ли справятся. Прогнать людей из родных мест и вынудить искать спасения мог лишь хорошо знакомый и внушающий трепет городской гарнизон, у которого к тому же на руках оружие.

Цин Юй не верил своим ушам:

— Этот малец просто поразителен! Откуда он всё это узнал?

— Сам догадался. Мальчишка сообразителен, вот и сопоставил всё по крупицам. В любых зажиточных местах стража на воротах всегда относилась к нищим без особого трепета, а до засухи Чжэчжоу процветал, — легко усмехнулся Чу Цзюсюй. — А тот паренёнок попросту решил окольными путями очернить гарнизон в наших глазах.

Цин Юй немного помедлил, прежде чем спросить:

— А вдруг всё это ложь?

— Ложь так ложь, мальчишка ведь никому не говорил в открытую, что городские стражники — разбойники, — пояснил Чу Цзюсюй.

На лице Цин Юя отразилось полное восхищение:

— Вот хитрюга!

— То-то и оно. Быть нищим — тоже целая наука, — заметил Чу Цзюсюй. — Главное здесь — держать глаза открытыми: понимать, у кого нрав крутой и с кем лучше не связываться, а у кого мягкий, так что за подаяние можно не опасаться. И мозги должны работать: знать, кого нельзя гневить — всё это нужно держать в голове. Это бедствие разорило народ, но тот паренёнок прекрасно устроился в городе да еще и тащит за собой целую ватагу малышни. Было бы странно, не будь он столь прозорлив.

Цин Юй поинтересовался:

— Откуда же ван знает всё о жизни маленьких нищих?

Лицо евнуха Вана слегка изменилось, и он зыркнул на Цин Юя:

— С чего у тебя столько вопросов!

— Пустяки!

<http://bllate.org/book/21929/2278347>